

Анатолий Алексин
Поздний ребенок

«ФТМ»

1968

Алексин А. Г.

Поздний ребенок / А. Г. Алексин — «ФТМ», 1968

Юные герои Анатолия Алексина впервые сталкиваются со «взрослыми», нередко драматическими проблемами. Как сделать правильный выбор? Как научиться понимать людей и самого себя? Как войти в мир зрелым, сильным и достойным человеком?

© Алексин А. Г., 1968

© ФТМ, 1968

Содержание

1	5
2	7
3	10
4	13
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Анатолий Алексин

Поздний ребенок

1

Меня ждали шестнадцать лет...

Ужасно быть поздним ребенком! Я-то уж знаю! Ранние дети появляются быстро, сами собой, как отметки в дневнике, если ты пошел в школу. А позднего ребенка ждут не дождутся и, когда наконец дожидаются, начинают проявлять такую любовь, такое внимание, что ему хочется сбежать на край света, а то еще и подальше.

Родители ему говорят: «Мы тебя ждали! Так ждали!..» – будто он задержался в кино или на улице.

Я – поздний ребенок. Мои родители сразу хотели иметь мальчишку, а заимели Людмилу... Это моя сестра. Все втроем, вместе с Людмилой, они мечтали, чтоб я родился. И вот через шестнадцать лет мечта их сбылась! Поздновато, конечно. Но что же я мог поделать?

Я не помню, с какого возраста я себя помню. Но в ту пору, с которой помню, я часто, казалось, слышал: «Ты – сюрприз! Ты – драгоценный подарок!» Теперь мои родители стесняются громких фраз. Может быть, и раньше они таких точно слов не говорили. Но какие-то вроде этих... Я стал драгоценным подарком, как чашка, которая, нарядная и чистая, стоит за стеклом, но из которой никогда не пьют чай.

Меня берегут! Конечно, каждый по-своему, потому что у каждого взрослого в нашей семье свой характер.

Вот, например, если я собираюсь куда-нибудь в лыжный поход, мне запрещают все трое. Но запрещают по-разному.

Первым, конечно, отец. Он огромный мужчина. Похож на Хемингуэя, который висит над столом у Людмилы. Только без бороды. Но такой же седой и в морщинах.

В жизни ему приходилось трудно, и поэтому он хочет, чтобы я от всего получал удовольствие. Нет, он не откажет впрямую: он попытается, чтоб и это мне было приятно. Даже отказ!

– По долинам и по взгорьям? – пропоет он так, что будет слышно внизу, во дворе: у отца громкий, раскатистый голос. И он любит цитировать песни. Не стихи, не пословицы, а именно песни. – В движеньи мельник жизнь ведет, в движеньи!..

Отец обязательно пропоет что-нибудь на подходящую тему. В эти минуты, мне кажется, он усиленно соображает: придумывает, как бы не огорчить меня своим отказом, а, наоборот, доставить мне удовольствие. От напряжения лицо его становится красным. Краска ползет к ушам, заливает всю шею. Из-за белых волос это особенно заметно.

Он говорит так громко, будто объявляет со сцены:

– А я хотел пойти с тобой завтра в кино! Ты ведь тоже хотел?

Я соглашаюсь. Хотя меня гораздо больше тянет в лыжный поход. Я не спорю с отцом. Бесплезно: я поздний ребенок, меня берегут.

– Хочешь, любое, мой сын, выбирай! – поет отец громким голосом хана Кончака из оперы «Князь Игорь». Иногда он переиначивает слова арий и песен по-своему, чтобы они подходили. – Любое, мой сын, выбирай!.. Но раз ты хочешь идти в кино, я ликую!

Он долго еще ликует. Так, что слышно внизу, на улице.

По правде сказать, не только отец – все в нашем доме говорят громко, потому что мама не очень хорошо слышит. Это случилось, когда я родился. Значит, поздние дети, которых так ждут, приносят не только радость... Мне не сказали, что это из-за меня, чтобы не огор-

чать. Но я-то уж знаю! Однажды я слышал, как доктор сказал: «Последствия родов. Вряд ли пройдет». Уж лучше бы я не родился!

А сама мама говорит очень тихо. Иногда она тоже шутит, но с какой-то грустной улыбкой. Что бы у нас ни случилось, она всегда считает, что это к добру. И не поймешь, всерьез ли она так считает.

– Это даже хорошо, – говорит она, – что я многое пропускаю мимо ушей: мало ли говорят ерунды!

«Это даже хорошо...» – мама часто так начинает.

– Это даже хорошо, что ты хочешь в лыжный поход: значит, ты не боишься!

Но потом она обязательно отыщет причину, по которой мне лучше остаться дома: я – поздний ребенок, меня берегут.

Бережет и Людмила... Она архитектор. «Мастер четких линий» – называет ее отец. И говорит моя сестра четко и прямо, она уж не станет переиначивать арии.

– Если бы ты всерьез занимался спортом и хорошо катался, я бы тебя поддержала, – скажет она. – А так – не могу.

Но если я даже научусь кататься, как мастер спорта или чемпион, они все равно найдут причину, чтобы меня не пустить. Это уж факт.

Когда в доме у нас происходит что-нибудь неприятное, от меня все скрывают. Я сразу чувствую, а мне говорят: «Ты – ребенок! Ты этого не поймешь». Они ждали ребенка, и им приятно, что он у них есть. И мне было бы очень приятно, что им так приятно, если бы этим ребенком был кто-нибудь другой, а не я.

Подслушивать я не люблю. И никогда бы не стал, но раз от меня что-то скрывают, а я в этом деле, может быть, даже могу помочь, я должен подслушать. Тем более что отец и по секрету всегда говорит так громко, что хочешь не хочешь, а все равно будешь знать.

Однажды я услышал такой разговор, секретный... Что говорила мама, я не мог разобрать, а отец запел ей в ответ из «Евгения Онегина»:

– Привычка свыше нам дана!

Я не так уж хорошо разбираюсь в музыке, чтобы сразу угадывать, что из какой оперы. Но ведь даже у каждого знаменитого певца есть свой особый репертуар, к которому можно привыкнуть.

– Привычка свыше нам дана! – повторил отец. И добавил: – После стольких лет?.. На другую работу? Нет, не могу!

Потом что-то сказала мама. Потом отец снова запел, но уже из Девятой симфонии Бетховена. Это странная симфония: в ней поют.

– О бра-а-тья, довольно печали! – пропел отец. И добавил одну фразу обыкновенно, по-человечески: – Двести двадцать на сто – это еще не смертельно.

2

Я давно уже заметил, что люблю встречать на улице старых людей. Чем старей человек, тем больше я радуюсь. «Значит, можно долго, очень долго прожить на свете!» – думаю я.

Однажды я прочитал в журнале, что в одном горном селе пять человек уже дотянули до ста тридцати лет. И продолжают жить дальше... Я всем показывал эту заметку.

– Так то же в горах! – говорили мне. – А ты живешь в Третьем Машиностроительном тупике.

Мы действительно живем в тупике с таким длинным названием.

Когда в газетах печатают сообщения в черных рамках, я всегда их читаю. Особенно мне интересно, сколько лет было тому, кто умер. Или, как пишут, на каком «году жизни скончался». Если человеку было лет восемьдесят или девяносто, мне бывает приятно. Не потому, конечно, что умер, а потому, что удалось человеку так много прожить.

Другие ребята об этом не думают. У них молодые родители...

Особенно я всегда волнуюсь за маму. Ведь она плохо слышит.

Если мама где-нибудь хоть ненадолго задерживается, я все время выглядываю в окно, которое выходит на улицу, потом спускаюсь вниз и хожу взад-вперед возле подъезда. Я представляю себе всякие несчастные случаи, уличные катастрофы. Руки у меня становятся мокрыми, и я забываю здороваться со знакомыми и соседями.

– Это даже хорошо, что я плохо слышу, – говорит мама. – Иначе бы ты меня не встречал!

Я хватаю мамину сумку.

– Тебе нельзя таскать тяжести! – говорит она.

Ей, значит, можно, а мне нельзя. Еще бы: ведь я ребенок – не подниму, не пойму, не смогу!..

Уже после, дома, мама меня успокаивает:

– Плохой слух обостряет внимание. Человек становится зорче! Спроси у любого врача. И не волнуйся. Тебе волноваться нельзя!

Почему мне нельзя волноваться?

В тот день, когда я подслушал, мама почти шептала: мне ведь нельзя волноваться. Хорошо, что отец тихо говорить не умеет! Это мне помогло.

Когда разговор их окончился, отец вошел в комнату, где я нагнулся или, как пишут, склонился над учебником, который мне в тот день был совсем не нужен.

– О радость! Я знал, я чувствовал заране! – пропел отец из «Руслана и Людмилы». – Мой сын делает уроки!..

– Это даже хорошо, что композиторы, которых ты исполняешь, давно уже скончались, – сказала мама.

– Почему? – удивился отец.

– Они бы тебя растерзали! А я не хочу остаться вдовой. Не хочу!

Последние слова она сказала совсем без улыбки. И я испугался. Теперь за отца.

В тот же вечер я спустился тайком к Леониду Миронычу.

Леонид Мироныч живет под нами, на втором этаже. Он врач. Правда, зубной. Но об этом все у нас в доме забыли и вызывают его к себе при любой болезни. А дом наш огромный – целых семь этажей. Всегда есть больные: у кого сердце, у кого грипп, у кого воспаление легких. И все обращаются к дяде Лене. У него есть прозвище: дядя Леня – «ноль один». Вообще-то по телефону «ноль один» вызывают не «Скорую помощь», а пожарную команду. Но дяде Лене дали такое именно прозвище...

Он очень добрый. И даже застенчивый. «Видите ли, я ведь только дантист...» – всегда начинает он. «Дантист» – это значит попросту зубной врач или техник. Но дядя Леня всегда

называет себя этим красивым словом «дантист». А в остальном он очень скромный и даже застенчивый...

Меня дядя Леня встретил в женском фартуке и со сковородкой в руке. На сковородке шипела яичница. Раньше мне казалось, что дядя Леня слишком много думает о еде: всегда я встречаю его с промасленными свертками, которые он держит в протянутой руке. Но мама мне объяснила, что все холостяки очень много возятся с продуктами, а едят гораздо меньше женатых: просто они не способны вести хозяйство. Ну, как некоторые ученики, которые часами возятся дома с тетрадями и учебниками, корпят над ними, зубрят, а отвечают на двойки или на тройки, потому что у них нет способностей.

– А-а, тезка! – воскликнул дядя Леня – «ноль один» как-то растерянно и даже испуганно.

Меня тоже зовут Леонидом. Или, вернее, Ленькой... И у меня тоже есть прозвище. Только оно хуже, чем у дяди Лени. Неблагозвучное! Даже не хочется вспоминать.

– Ты один? – спросил дядя Леня все так же испуганно. И схватил сковородку другой рукой: она, наверно, была горячая.

– Я... один. Я по делу.

Но дядя Леня выглянул на лестницу, будто за моей спиной мог кто-то скрываться. Потом он пригласил меня в комнату. На подоконниках почему-то стояла посуда, а в буфете, за стеклом, где обычно бывает посуда, почему-то стояли книги. Я решил, что ни за что на свете не буду холостяком.

– Дядя Леня, я на минутку.

– Кушать не хочешь? У меня есть яичница. Глазунья: два глаза. Можно с тобой поделиться...

Я понял: он по доброте своей предлагает мне то, что достается ему с наибольшим трудом, – еду, яичницу. И отказался.

– Мне надо сказать только два слова. Мне надо узнать... Ну, посоветоваться. Насчет отца. Я услышал сегодня, что у него «двести двадцать на сто»...

Так примерно начал я разговор, сделав вид, будто знаю, что это такое: «двести двадцать на сто».

– Видишь ли, – сказал дядя Леня. – Я ведь только зубной врач...

«Всегда называет себя дантистом, – подумал я, – а тут – зубной врач... Боится, я не пойму, что такое дантист. Считает меня кретином! Или, вернее сказать, ребенком. Это для взрослых одно и то же».

– Скажите, дядя Леня, это опасно: двести двадцать на сто? Вы ведь знаете!..

Он стянул очки с носа и засунул концы пластмассовых дужек в рот. Так ему всегда удобнее думать.

– Как бы это тебе объяснить? – проговорил он не очень внятно, потому что дужки были во рту.

Почему мне нужно все *объяснять*? А просто *сказать* нельзя?

– Как бы это тебе объяснить, чтобы ты меня понял?

Ну, конечно, ведь я же ребенок, то есть кретин!

– Отец выглядит абсолютно здоровым! – сказал я. – А когда смеется, то становится даже румяным.

– Я бы с удовольствием к вам зашел и посмотрел твоего отца, но лучше уж вызвать специалиста. Тем более что Людмила не приглашала. Мне самому неудобно...

– Но это опасно?

– Как бы тебе объяснить?.. Это – высокое кровяное давление. Его надо сбить! Врачи выпишут лекарства: порошки, уколы, таблетки. Но главное: положительные эмоции! Понимаешь?

– Еще бы! – соврал я. И подумал: «Хорошо бы, чтоб он мне не поверил. И объяснил!» Он не поверил. Или пропустил мои слова мимо ушей.

– Положительные эмоции – это значит радость, веселье, надежда... Ведь главное – нервы. Им нужно питание.

Я посмотрел на яичницу. Он улыбнулся:

– Да-да! Им нужен витамин хорошего настроения. Они это любят, нервы. Отец работает на строительстве? всю жизнь он на стройках! Это уже, прости меня, не для него: сроки, задания, планы. И еще... Может, его что-нибудь мучает, угнетает? Это надо решительно снять!

Я подумал немного.

– Нет, его ничего не мучает. У нас дома все хорошо. И на работе его уважают. Ему будет трудно уйти... Привычка свыше нам дана. Сами знаете!

– Может быть, ты и прав. А Людмила что думает? В смысле его работы?

– Не знаю. Я у нее не спрашивал. Но его не угнетает... Никто! Я уверен.

– Что ж, хорошо. Это важно! Если Людмила захочет, я зайду, посмотрю...

Теперь я понял, почему он выглядывал на лестницу: не хотел, чтоб Людмила увидела его в женском фартуке.

Они вместе учились в школе. Их считали женихом и невестой. Это было бы так хорошо, если б они поженились: Людмила осталась бы в том же доме, только спустилась бы на этаж. А у него книги не стояли бы там, где должна быть посуда...

Но Людмила не хочет. Она вообще не думает о замужестве: ее это не интересует. Она у нас «мастер четких линий» и думает только о своих чертежах.

Я однажды сказал:

– Вот если бы ты вышла замуж за дядю Леню!

– Две пары очков в одной молодой семье – это слишком много, – ответила мне она. Пошутила, хотя вообще-то шутить не любит.

А мама с отцом промолчали. И посмотрели на меня нежно и с жалостью, как на любимого дурачка: ты, дескать, мал еще. Не понимаешь!..

Странное дело: не заботятся о будущем дочери! Наверно, потому, что она – ранний ребенок. Но разве она виновата? Какая несправедливость! Все втроем они заботятся обо мне: просто уж нету сил.

3

Я слышал, как некоторые взрослые говорят: «Я сумасшедшая мать! Я сумасшедший отец!..» И всегда как бы гордятся своим сумасшествием.

Мои родители непохожи на этих людей. Они абсолютно нормальные. И даже стесняются того, что прямо-таки дрожат за каждый мой шаг. Поэтому они дрожат как бы в шутку, а не всерьез. И поэтому, думаю я, отец кажется иногда грубоватым. Просто родители слишком долго ждали меня. Вот в чем все дело!

Хотя мне от этого, конечно, ничуть не легче.

О себе они не заботятся никогда. Даже удивительно; про меня все знают – что вредно, чего нельзя. Даже полезное может им показаться вредным. А на себя словно рукой махнули.

«Больше я этого не допущу!.. Начну с отца. Буду все время подбрасывать ему положительные эмоции!» – с таким твердым решением я вернулся домой.

Раньше меня упрекали за то, что я часто бываю мрачным. Мама молча и внимательно заглядывала мне в глаза. Отец напевал: «Что ты, молодец, невесел? Что ты нынче нос повесил?» «О чем задумался, детина?..» Или что-нибудь вроде этого.

А Людмила спрашивала в упор:

– Ты нас готовишь к чему-то плохому? Что-то случилось в школе? А может быть, во дворе? Скажи прямо. Прямота многое искупает.

Сама прямая, «мастер четких линий», Людмила от всех кругом требует точности и прямоты.

А я, как правило, ни к чему особенному их не готовлю... Просто мне хочется попросить что-нибудь такое, вместо чего, я уверен, мне предложат все сокровища мира: музей, цирк или даже театр. А мне хочется поехать с ребятами за город, на озеро Бездонку, где все загорают и плавают, а не только с утра до вечера тонут, как считают мои домашние.

Но в тот день я всем улыбался. И без конца повторял:

– Не волнуйся, папа! Не беспокойся!.. Прошу тебя не волноваться!

Мама молча и пристально заглядывала мне в глаза.

– О чем волнуешься, детина? – привычно переиначил слова отец, хотя никакого волнения на моем лице не было: я улыбался.

– Ты нас к чему-то готовишь? – в упор спросила Людмила.

Найти положительные эмоции в доме, где все тебя обожают, не так легко, как думает дядя Ленья.

Отец любит слушать радио, особенно музыкальные передачи. Но ему редко удается послушаться вдоволь: то я делаю уроки, то читаю (тут уж все ходят на цыпочках!), то Людмила выполняет срочную работу, готовится к каким-нибудь зачетам. Она всегда учится: или на курсах, или в университете культуры, или еще где-нибудь.

Но в тот вечер я сел возле приемника, стал настраивать его на концерты и делал вид, что сам получаю огромное удовольствие.

– Я знал, что в конце концов музыка тебя проймет. Ты ведь мой сын!

– Твой, твой! – сказал я отцу.

Он улыбнулся счастливой и гордой улыбкой: дескать, долго мы тебя ждали, но *такого* стоило подождать!..

Положительные эмоции прибывали с каждой минутой!

Когда пришла мама, я включил приемник погромче, чтобы и она могла насладиться музыкой.

Из соседней квартиры постукали нам с стену.

В нашем доме толстые стены и высоченные потолки. Мама как-то сказала:

– Это хорошо, что наш дом строился в пору, когда архитектура еще не достигла огромных успехов. Теперь ведь стены рассчитаны на таких вот, как я. Которые плохо слышат...

Мама часто подшучивает над своим, как говорят, физическим недостатком.

– Новая архитектура служит не разъединению, а объединению семей, живущих в разных квартирах! – сказал отец.

– При старых нормах многие остались бы в старых квартирах, – спокойно объяснила Людмила.

– Только слышно за стенкою где-то... – тихо пропел отец.

За нашими стенами трудно что-нибудь уловить. Но сосед, я уверен, специально прикладывает ухо, чтобы при первом же удобном случае постучать. Если мы громко разговариваем, чтобы слышала мама, он начинает всегда возмущаться. А тут ему музыка помешала! Бывают же люди, которым все на свете мешает. Особенно если кто-нибудь рядом получает положительные эмоции.

– На сегодня закончим, – сказал отец. – Иди погуляй. Тебе надо побольше дышать свежим воздухом!

Почему именно мне надо побольше дышать? Как будто у меня «двести двадцать на сто»! Но я решил не уничтожать положительных эмоций и не стал спорить с отцом. Я пошел дышать воздухом.

Вскоре во двор вышел Костик. Он длиннее меня на целых полголовы, хотя учится со мной в одном классе. Не подумайте, что он огромного роста. Просто я невысокий. Может быть, поздние дети медленно физически развиваются? А Костик не поздний, он самый обыкновенный. И родители у него молодые. Но очень противные! Это его отец стучит в стенку. И мамаша постукивает...

Костик имеет такую привычку: если увидит ребят, которые во что-нибудь играют или о чем-нибудь договариваются, обязательно подкрадется и крикнет: «А-а, попались, попались! Все видел, все видел! Все слышал, все слышал!» И отойдет. Хотя никто его не просил смотреть и слушать не приглашали.

Мне давно хотелось надавать Костику по физиономии. Ударить три раза и тихо сказать: «Это за папу! Это за маму! Это за тебя самого!» – как говорят маленьким, которые плохо едят.

Костик давно уж напрашивался на это. Я его предупреждал: «Не напрашивайся! Не напрашивайся!..» А он продолжал.

Но напрашивался он всегда как-то не до конца. Не было еще настоящего повода надавать ему и тихо сказать: «За папу! За маму!..» Ну, и так далее. А без повода бить как-то неинтересно.

Костик вышел во двор – и сразу ко мне:

– А-а, попались! Все слышал, все слышал: как стукнул вам папа, так сразу радио выключили. Испугались! Больше орать не будете. Что у вас там, какая-нибудь глухая тетеря?

– Как ты сказал? – спросил я Костика.

И, испугавшись, что он повторит свои слова громче, что все их услышат, быстро смазал его по скуле. Мне пришлось подняться на цыпочки, потому что Костик выше меня на целых полголовы. Он тут же удрал обратно в подъезд...

Я, наверно, очень разволновался и все сделал не так, как хотел: ударил его не три раза, а только один. И не стал приговаривать: «За папу! За маму!» Очень разволновался! Поэтому все забыл. Не ожидал, что он скажет эти слова...

«Не бить же его сначала?» – подумал я. И не стал догонять.

Минут через десять Людмила высунулась в окно:

– Леня, иди домой!

Я пошел... Уже с первого этажа я услышал, как на третьем шумит папа Костика:

– Он избил его! Он избил его!.. Хулиган! Призовите его к порядку. Или я сам... Недаром его зовут... Недаром ему дали это прозвище! – И он выкрикнул мое прозвище. – Заслужил! Я не стал подниматься, пока не услышал, что папа Костика хлопнул дверью.

Тогда я поднялся.

Дома все были взбудоражены. Мама поглядывала на отца. Я знал этот взгляд, он как бы просил отца: «Помни, что мы его долго ждали! Не кричи на него! Разберись...» Отец же поглядывал на маму и словно просил о том же. Они всегда обмениваются такими взглядами, когда я в чем-нибудь виноват. Будто сдерживают друг друга.

– За что ты его избил? – спросила Людмила.

– Так... Ни за что. Я давно хотел.

– Ты хотел?! – Людмила нервно чертила что-то на огромном листе. У нее такая привычка: когда идет неприятный разговор, не прекращать работу, водить карандашом или рейс-федером по бумаге.

Я молчал.

– За что ж ты его избил? Ведь была же, наверно, причина? Скажи нам. Прямота многое искупает!

– Нет... Просто так. Он очень противный.

– Мало ли противных людей на свете! Ты всех будешь бить?

Я пожал плечами:

– Не знаю.

– Если была бы причина, я, возможно, могла бы понять...

Любит она рассуждать: «Если бы было, тогда бы...»

– Не было. Нет!..

– Жестокость вообще отвратительна, – не прекращая чертить, сказала Людмила. – А беспричинная жестокость безнравственной вдвое. Нет, в тысячу раз.

Подсчитала!..

4

Если говорить по-честному, гордостью нашей семьи должна быть Людмила. Она кандидат наук, работает в архитектурной мастерской. А гордятся все в доме мною. Это несправедливо. Но что можно поделаться?

Чтобы замаскировать эту несправедливость, отец хвалит меня как бы в шутку. А иногда грубовато. Из-за его грубоватости и появилось на свет мое прозвище, которое я до сих пор не решался произнести.

Даже за тройки меня не ругают.

– Вот ведь способный какой, мерзавец! Совсем вчера не учил уроков, у телевизора просидел, а на тройку ответил! – Свои восторги отец обязательно закончит словами из песни. Глядя на меня, он пропоет на какой-то свой собственный любимый мотив: – И в воде он не утонет, и в огне он не сгорит!

Или что-нибудь вроде этого.

Частенько отец просит меня напомнить ему содержание кинокартины или книги, которую мы оба читали.

– Память какую имеет, мерзавец! Все помнит, как будто вчера читал... – И радостно восклицает: – Я вот все позабыл, все перепутал!

Мне кажется, отец просто счастлив, что забывает и путает.

На следующий день после того, как я смазал по морде Костика, отец не выдержал и сказал:

– Драться, конечно, плохо. А все-таки смелый какой, мерзавец! Ниже на две головы, а пошел в наступление, решился! Ниже на целых две головы!..

И потом он еще долго не мог успокоиться, все повторял:

– Смелый, мерзавец!

Слово «мерзавец» он всегда произносит ласково, даже нежно. Но мне от этого, конечно, не легче, потому что это самое слово и стало давно моим прозвищем. «Ленька-мерзавец» – зовут меня во дворе.

Вот до чего доводит любовь!

И вообще мне вовсе не нравится, что дома мною все восхищаются. Трудно, что ли, ответить на тройку? Или запомнить содержание книги? Кретин я, что ли, какой-то? И почему надо радоваться, что я на целых две головы ниже Костика? (Хотя на самом деле я ниже всего на полголовы.)

Отец и мама, мне кажется, очень довольны, что я невысокий. Они бы хотели, наверно, чтоб я и вовсе не рос: они-то ведь ждали ребенка и хотят, чтоб я на всю жизнь им остался. Но я не хочу!

Как-то я услышал по радио, что, если в семье несколько детей, нехорошо одного из них выделять. С воспитательной точки зрения! Я сказал об этом родителям.

– Другой бы гордился, что его выделяют, а этот заботится о сестре! – воскликнул отец. – Добрый, мерзавец!..

– Это даже хорошо, что ты сделал нам замечание, – согласилась мама. – Значит, любовь и забота не сделали тебя эгоистом. Мы очень рады.

Вот вам и все! Они очень рады. А я?..

И то, что Людмила до сих пор не выходит замуж, мне кажется, не волнует моих родителей. По крайней мере когда я сказал о зубном враче дяде Лене, они промолчали. «Поддержали бы меня в тот момент, – думал я много раз, – и, может быть, наша Людмила жила бы сейчас на втором этаже, прямо под нами. И мы ходили бы в гости друг к другу! У нее была бы семья... В книжках пишут, что каждая женщина стремится иметь семью. Может, Людмила

этого не понимает? И родители не объяснят! Потому что я заслонил Людмилу, я, поздний ребенок... А это несправедливо...»

За драку отец хвалил меня, когда Людмила еще не вернулась с работы. Сестру у нас в доме побаиваются. Потому что она, как говорит отец, человек без слабостей.

Но одна слабость у сестры все же есть. Это я! Что поделаешь? Снова я...

Нет, Людмила не станет хвалить меня за тройки или за драку. Она сделает замечание, отчитает. А дня через два или три принесет мне подарок, словно бы извинится. Так бывает почти всегда.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.